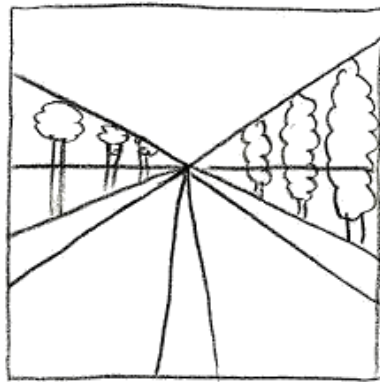

Версия для смартфонов:

http://spinavig.s62.in.ua/moment_galatian_prospect.htm

МОМЕНТ ГАЛАТИЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

ПАРАДОКС ВЕЛИКОГО ПОРУЧЕНИЯ – 2

Представляю работу, что посвящена раннехристианской истории первого столетия и истории первых её десятилетий. Работа над реконструкцией, сопоставление различных исторических моментов и поиск ответов на вопросы привели к обнаружению интересной перспективы взгляда, с которой обнаруживается дверь, ведущая в мир неординарных представлений и интересных открытий. Испытал необычайный восторг от такого путешествия в прошлое и встречей с дорогим, что и желаю пережить читателю.

На данный момент в библеистике считается, что на самую первую книгу Нового Завета претендует Послание Павла Галатам. Эта книга также содержит пусть и скудные, но исторические свидетельства происходивших тогда событий. В работе предпринята попытка рассмотреть историю исключительно через перспективу этого послания. Предпринял попытку сделать это именно через реконструированную версию текста, того как послание выглядело в первом издании. Так, в научной среде второго десятилетия нашего века поднят вопрос обоснования аутентичности именно этого варианта Послания.

Реконструированный текст позволяет выявить отношение Павла к пониманию самого апостольства как не уникального особого неприкосновенного статуса носителя Учения, тогда как нарицательное имя «апостола» и его строгого круга появилось и развилось позже. Анализ выявляет и разделяет те тексты в посланиях, которые и мыслят апостольство в этих двух ракурсах, а также по-разному и предполагают список самих первых учеников Иисуса, а также выявляет проблемы известности судеб учеников для авторов книг Нового Завета, примеры чего в работе и приводятся.

В работе рассматривается особенность посещения Павла Иерусалима, и особенность не через традиционную призму книги Деяний, но с позиции самого послания, как наиважнейшего в таком подходе исторического источника.

Рассматриваются особенности коллизии примеров исторического упоминания тройки доверенных учеников.

Рассматривается некогда существовавшая историческая версия гибели учеников Иисуса - братьев Иакова и Иоанна, которая была критикуема ортодоксальными историками, ведь в таком случае она разрушала единый мост апостольской преемственности ортодоксального течения.

Сопоставляются имеющиеся скудные свидетельства евангельского миссионерства учеников Иисуса. Предполагается и демонстрируется искусственность появления образа апостола Павла, как уникального миссионера, который представляется нам в текстах книг Нового Завета.

Поэтому работа для интересующихся историей христианства первого столетия, её вопросов и проблем.

МОМЕНТ ГАЛАТИЙСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ (ПАРАДОКС ВЕЛИКОГО ПОРУЧЕНИЯ 2)

1. Перспектива понимания истории первой половины первого века через самую раннюю книгу Нового Завета

Первые главы Послания Галатам. Если оно написано Павлом и это послание вероятно самое раннее, то перед нами самый первый документ истории начала христианства, истории середины первого столетия, а скорее её драгоценные малые крупички. И так хочется найти там ответы на многие возникающие вопросы. Где и как проповедовали ученики Христа? Какова судьба братьев Иисуса, какова судьба Марии Магдалины, а то, что она была фигурой своего времени - свидетельствуют кроме предания и открытые в 20 столетии документы раннехристианской истории. И вот перед нами самое первое новозаветное послание. В таком случае оно представляется уникальным историческим свидетельством. И немалый интерес представляет открывающиеся новые грани уже и в его реконструкции [1], которые можно выявить, проанализировать и взглянуть на всю историю с другой стороны, и можно даже - под совершенно иным ракурсом.

После изучения, предпринятого в «Парадоксе великого поручения» [2], был сделан вывод о совершенно неортодоксальных источниках относительно осуществления миссии проповеди апостолов в противовес её полного отсутствия в главной исторической книге Деяний. Однако **вопрос исторической правды всё равно остаётся открытым**, как и вопрос самих независимых исторических источников. И на чьей стороне правда? Историческая книга Деяний или документы первых столетий? Вполне возможно, что историческая правда - где-то между ними.

Само послание начинается с утверждения Павла, что источник его веры, как и миссии народам с пониманием сути Учения зиждется исключительно в личном откровении воскресшего Иисуса Христа, и больше ни от кого и ни от чего и ни в коем случае не от Иерусалимского апостольства. И эта миссия Павла противопоставляется фактически существующему в тот момент положению вещей, когда создаётся

впечатление, что Павел выступает фактически первым радикальным и единственным проповедником, не считая уже его последователей. И эта картина на момент минимум четырнадцати лет от его обращения. Это уже временная отметка в районе где-то 50-го года, момент «экватора» его миссии! И здесь в картине, как представляется, можно было бы ставить бал в пользу историчности Деяний, когда апостолы там пожизненно прописались в «святом граде», а посему Павел ни с кем более на этот момент и не видится.

С другой стороны Деяния приоткрывают странный для самой книги момент быстрого распространения учения и за пределами некогда исторического Израильского царства, как например, «назорейской ереси» уже в самой Сирии, да к тому же без участия самих апостолов. Однако упоминания самого этого момента в послании Галатам - нет. И всё представляется так, как будто Павел единственный там и получивший духовное откровение от Воскресшего, но находящийся в своеобразном полном информационном вакууме на той территории. При этом и причина его пребывания в Дамаске – не обозначена, как, впрочем, почему и откуда Павел в Дамаск попал.

Однако здесь возможна всего лишь ситуация возникающего «маятника», когда апостол только хочет подчеркнуть высший исток своей миссии, противопоставляя миссиям других, умалчивая для её усиления исторические реалии. Ведь главная боль его Послания – мощная экспансия искажения иудаизации в Учение, накрывающая уже и его галатийскую общину, что прикрывается при этом авторитетом Иерусалима, даже за тысячу километров от него. При этом исток миссии апостола противопоставляется любым проиудейским эмиссарам.

2. «Апостол» или Посланник – обзор реконструкции. Путешествие Павла в Иерусалим

Интересной гранью реконструкции послания Галатам является само **понимание апостольства**. «Апостол» для Павла – это **не нарицательное наименование** для главного круга учеников, **но лишь открывшаяся миссия** в новой жизни во Христе. Понимание апостольства как миссии

свойственно и как древнегреческому значению слова, так и прямому использованию во множестве мест Нового Завета. Однако в послании именно с понимания миссии благовестия начинается повествование об апостольстве. И обозначение апостольства как миссии может быть выведено непосредственно из самого текста. При этом термин строго очерченного круга учеников, согласно анализа реконструкции, **является внесённым в послание извне.**

15 Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил 16 открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, - я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью, 17 и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск.

Так Павел - сразу же апостол, но не потому, что нужен был особо духовный и продвинутый тринадцатый, вдобавок к существующим, но исключительно потому, что всей его последующей жизнью отныне после откровения будет посланничество. Предназначение посланника, как он и пишет, было открыто ему сразу же в откровении и поэтому так он себя и назвал и именно в этом ракурсе он естественно тут же вспоминает посланников прежде него в Иерусалиме.

Идея апостольства исключительно как строго очерченного доверительного авторитетного круга появляется в послании далее, но именно она отсутствует в реконструкции первого издания середины второго столетия.

18 Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать. 19 Другого же из Апостолов я не видел, кроме Иакова, брата Господня.

Перед нами история знакомства Павла с Петром и Иаковом, и именно такая форма упоминания: «*другого же из Апостолов я не видел*», предполагает существование чётко обозначенного круга учеников, который преподносится читателю как факт. И именно это упоминание кардинально меняет восприятие апостольства в послании, и открывает иную перспективу видения описываемой истории. Именно после этого и само первое упоминание Иерусалимского апостольства Гал.1:17

воспринимается известным нам кругом учеников. Аналогично далее воспринимается и упоминание Иерусалимского круга, с которым Павел встретится в Иерусалиме через 14 лет. Таким образом, для **реконструкции характерно совершенно иное понимание**. И если уж быть строгим и внимательным читателем, то пишущий в Гал. 1:18-19 о встрече с Петром скорее относит и Иакова, брата Господня, к кругу авторитетного списка апостолов, открывая, что видел из него только двоих. **То есть наш уже список последователей и его список – не одинаков**. А исходя из известных и в настоящий момент проблем имён того списка, у автора Гал.1:19 было своё понимание состава того круга, а мы здесь и сейчас - наблюдатели процесса его построения. И в новом открывающемся ракурсе сам Павел представляется живым свидетелем и противником построения подобных авторитетных списков и кругов.

Итак, далее происходит путешествие в Иерусалим, но не по желанию и обстоятельствам, а по откровению - Гал.2:2. Канонический текст предполагает две встречи. Одна – со всеми интересующимися, и скорее всего, согласно текста, с персонифицированным кругом апостолов. Вторая – отдельно, с «особо знаменитейшими» в лице трёх, как говорится «с глазу на глаз». И тем и другим Павел представил его благовестие, но судьбу как следует из описания решала «тройка». Однако согласно реконструкции, встреча была всего одна.

Потом, через четырнадцать лет, опять ходил я в Иерусалим с Варнавою, взяв с собою и Тита. Ходил же по откровению, и предложил там (греч. - ИМ), и особо знаменитейшим, благовествование, проповедуемое мною язычникам, не напрасно ли я подвигаюсь или подвизался. Гал. 2:1-2

Реконструкция:

Потом, через четырнадцать лет, ходил я в Иерусалим, взяв с собою и Тита. Ходил же по откровению, и предложил им благовествование, проповедуемое мною язычникам ...

При этом «особо знаменитейшие» в реконструкции и есть те самые апостолы в лице трёх, прописавшихся в Иерусалиме, иных он не упоминает вообще, тройка и есть посланниками там.

В любой версии послания при их упоминании **прослеживается скепсис**, перед нами некая критика духовных титулов народной любви, выдуманных регалий по мотивам истории былой славы. Самая первая идея встречи с посланниками в Иерусалиме связывается негативно с советом «крови и плоти» Гал.1:16. Ведь написано это уже по прошествии более чем 14 лет, но слов одобрения в сторону того посланничества почему-то так и не нашлось. Возможно, что такое посланничество с надёжной городской пропиской выглядело абсурдно, вызывая немой, но очень громкий вопрос, с «аллюзией» на известное стихотворение.

Закричал он: «Что за бред! Посланы ж так ...надцать лет, И приехали назад, В тот же самый «святой град»?! Ох они апостолы, голубино прОстые!

И достаточно реалистично выглядит негодование именно от того, что связано с Иерусалимом. Ведь главная тема послания связана с защитой драгоценной общины (или общин) от настигнувших их иудаизирующих веяний. А ведь те веяния были связаны с разделением людей на святых и гоев, на кошерное и нечистое, на внедрение ценностей «отеческих преданий», закона и обрезания, что, захлестнув общину, вызывало переживания и наступление снова «мук рождения» у апостола, и с чем он сталкивался постоянно, и над чем, как ни странно, витала тень и печать Иерусалима.

И тогда понятна его резкая реакция в Антиохии на поведение пришедшего из Иерусалима Петра, который стал сторониться общей трапезы с неиудеями, принесшего с собой оттуда разделение на кошерных и грешных с необходимостью правильной жизни по правильным святым обычаям. Реакция Павла была резкой и незамедлительной, как обличение в отступлении от «истины Евангельской» Гал.2:14.

Хочется обратить внимание и на язык описания его Иерусалимской встречи (обе версии). Говоря о тех, с кем он встретился, он пишет:

Б И в знаменитых чем-либо, какими бы ни были они когда-либо, для меня нет ничего особенного: Бог не взирает на лице человека. И знаменитые не возложили на меня ничего более. (Гал.2:6)

«Знаменитые чем-либо» и далее «почитаемые» (столпами) дословно с древнегреческого звучит иначе, а именно как «считающие себя быть что-нибудь»

Греч «докУнтон» от «докЭо» - казаться, или даже мнить – считать себя, мнить о себе:

от считающих себя быть что-нибудь, каковы когда-то они были; мнящие сами себя столпами. [3]

Примечательно, что греческо-русский словарь Нового Завета Баркли М. Ньюмана перевод слова «докЭо» в позитивном ключе как «влиятельный» и «авторитетный» предлагается исходя исключительно из трактовки должного высокого почитания апостолов второй главы послания, тогда как перевод соответствует словам «думать», «полагать», «считать», «верить», «решать» [4].

Павел фактически даёт оценку той Иерусалимской авторитетности его посланников как «докетического» **надуманного искусственного культа**, по историям былой славы, которую либо там и создали, либо если что и было, то давно «выцвело» и стало ничем, однако напоминает о себе далеко за пределами. Отсюда и представляется у Павла **мысль бессмысленности создания каких-либо списков каких-либо авторитетных особо приближённых персон**, в действиях которых на самом деле нет ничего поистине важного, тогда как сам он и столкнулся с примером культа троих под сенью «святого града», указывая там же, что «Бог не взирает на лице человека».

И резюмируется Павлом описание той легендарной встречи достаточно интересно. Так, именно откровение привело Павла в тот самый Иерусалим к посланникам в нём. Там он делился самым важным своей жизни. Ответ на это начался то ли с поддержки, то ли с лояльности: «*не возложили на меня ничего более*», ну а закончился самым важным уже для круга самых почётных – деньгами и их возможно периодическим перечислением, что Павел и принял к сердцу как можно ближе с широкой улыбкой.

10 только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности.

Нищие естественно есть в любой точке мира и напоминать заботиться о них как бы даже и не нужно. В греческом тексте используется прошедшее время, что отражено в переводе Кассиана: «*это именно я и постарался исполнить*», когда Павел и совершил то, на что ему там указали. Есть предположение, что наименование «нищие» есть греческим аналогом еврейского термина «эвьоним», применяемому к самой общине Иерусалима. [5] Можно и представить, как послание зачитывается в галатийской общине язычников, в которые повадились эмиссары Иерусалима. В среде слушающих, как и везде в колониях римской империи есть массы бедных, неимущих, одиноких, престарелых, голодающих, больных и нетрудоспособных и им зачитывается пожелание хорошей памяти относительно того куда и не реже чем – «отправлять». Вполне, что перед нами сарказм Павла и раскрытие им настоящей истинной цены того, что приносят к ним горевестники закона и обрезания, и того, что даже вход в круг одобрения «нищими» определён там «таксой».

Таким образом, и реконструкция со своей стороны обосновывается тем, что раз сам Павел не мыслил никакого правильного апостольства «святого града» и зафиксировал момент рождения почитания культа трёх, то и **не предполагал существования всем отовсюду известного и почитаемого списка**. Ну а возникших вдруг «правильных» авторитетов он назвал по имени: Иаков, Пётр и Иоанн.

3. Обезличенные двенадцать и загадки знаменитой «тройки». Доверительные списки апостольских авторитетов.

Относительно этих трёх имён хочется указать на очень интересный момент. История в книге Деяний, первая её половина с описанием Иерусалимского апостольства, на самом деле вращается исключительно вокруг этих самых трёх имён, т.е. тех же самых что и в Послании. Какие-либо личные действия, поступки или произнесённые проповеди завязаны исключительно на эти три имени. И больше никто себя в Иерусалиме не показал вообще. Главное действующее лицо из трёх по активности действий и проповеди – Пётр, второе – Иаков, брат

Господень, далее пробивается хотя бы упоминанием Иоанн, но исключительно как спутник Петра, и действующий и говорящий уже синхронно «хором» с ним. А также снова Иаков, но уже брат Иоанна, в самом коротком уведомлении, что убит мечом. Три тех же имени и составляют полотно истории персон! При этом из них двое хоть что-то делают самостоятельно или произносят, остальные из двенадцати – вообще условны. Они вроде бы должны там быть, их автор помещает в начало, но их по сути в истории нет. Они логично должны быть и на соборе, однако они обезличены как беззвучные тени, что далее в повествовании тихо растворяются никак своё присутствие так и не проявив вообще. Ещё более призрачной судьба братьев Иисуса, спутниц и той же самой Марии Магдалины.

Интересно отметить момент современного восприятия апостольства в Послании. Оно строится исключительно через призму книги Деяний. Предполагаемые тени ищутся теперь и в Послании и видятся в рассказе Павла. Но поменяем местами источники, и посмотрим наоборот, не путая причину и следствие и ставя во главу самый ранний документ. В таком случае авторитетного списка ещё нет, первый возникший главный круг и зафиксирован Павлом поимённо, оценен по результатам, а более он никого и не назвал. Либо мыслил так, что да много кто ходил рядом непосредственно с Иисусом, или же кого и можно было по имени назвать, то среди посланников в Иерусалиме, тех попросту не было.

Автор Деяний, знавший уже традицию двенадцати, а также знавший и о персоне Магдалины решает сперва актуальную для него задачу составления списка и помещает всех скопом туда в самую первую главу под сенью авторитетов Иерусалима, которые исторически и были ранее засвидетельствованы для нас Посланием Галатам. Ведь если самые главные были в «святом граде», то где же быть-то остальным? Посему они и обезличены и тихо как призраки без шума с истории впоследствии исчезают.

Следует отметить, что некогда возникшая задача составления окончательного списка имён не решена однозначно и в настоящий момент. Также при анализе литературы раннехристианской эпохи можно увидеть другие по количеству людей особые группы, кроме именуемой

тройки, как и различия в именах самих персон [6]. Это в свою очередь приводит к мысли, что утверждение двенадцати не являлось изначально незыблемой аксиомой, но имеет свою историю становления. Также при всём этом, автор Деяний, поместив наряду с апостолами и самих братьев Иисуса в сионскую горницу первой главы Деяний, породил для будущих поколений вопрос обстоятельств начала их веры. Где, как и когда они успели поверить, считающие Иисуса безумцем, а особенно ставший вдруг лидером общины сам Иаков, брат Господень? Однако дошедшие до нас источники порождают и вопрос возможного пересечения братьев с самими двенадцати апостолами. Такое пересечение также мыслилось, как имеющее место быть, при этом снова демонстрируя факт истории формирования и становления правильного поимённого списка. Автору Деяний в таком случае видимо пришлось и принимать решение, апостолов и братьев между собой он разделил, однако и поместил всех вместе в горницу! Также он демонстрирует важность числа двенадцать, ибо в повествовании экстренно выбирается вместо Иуды недостающий двенадцатый апостол, однако, чтобы впоследствии с остальными сперва в Иерусалиме «прописаться», а затем превратиться в тень, тихо и беззвучно исчезнув. А непрошедший жребий кандидат Варсава, надо полагать хоть и был достоин, но оказался тринадцатым, а потому стал не в авторитете - Деян.1:23. А ведь и до предательства Иуды доверительных учеников было уже как минимум четырнадцать! Ведь эти двое были с Иисусом вообще от самого начала, от самого крещения Иоаннова и до свидетельства воскресения, согласно самим же Деяниям 1:20-22.

Ну а для нашего рассмотрения важно отметить, что Павел либо жил вообще до возникновения процесса разработки подобных вопросов, либо застал его на самой ранней стадии и выразил своё чёткое отношение ко всему происходящему. Мы же ныне его воспринимаем как через толщу всех этих явлений и процессов, так и через призму новозаветных книг, возникших позже.

Интересен в таком случае и пример развития предания о той самой «тройке». «Тройка» особо приближённых фигурирует в синоптических евангелиях: Пётр, Иоанн, Иаков. Их сам Иисус отделяет от остальных и берёт с собой, они с Ним и на горе преображения, им доверено сокровенное. В Деяниях та же тройка тех же имён, что должно быть

логичным и естественным продолжением истории. Однако Иаков вначале почему-то не фигурирует вообще, а затем он там уже и не тот, не брат Иоанна Зеведеев, но брат Иисуса. Зеведеев упомянут, но только по поводу констатации казни. А то, **о ком говорит Павел в Послании, зависит через призму Евангелий или Деяний на само послание смотреть**. Если через «синоптиков», то именно Зеведеев, что к тому же может не противоречить существующим известным датировкам его казни, ну а через призму Деяний – брат Господень. Но это срез писаний, однако «тройка» фигурирует и в сфере преданий, и с ней происходят метаморфозы. Так в «Очерках» Климента Александрийского (ок. 150 - ок. 215) предполагалась некая модель передачи откровения, где обнаруживается та же тройка имён, но в варианте книги Деяний [7].

Иакову Праведному, Иоанну и Петру Господь по Воскресении передал гносис (παρέδωκεν τὴν γνῶσιν); они передали его остальным апостолам, а остальные апостолы - семидесяти, одним из которых был Варнава».

Перед нами пример некой модели передачи для наиважнейшего доверительного круга, от малого круга особо посвящённых – тройки, через круг особо приближённых – апостолы, к внешнему кругу просто особо важных – семьдесят. Модель предания Климента при этом использует явно неортодоксальную мысль об обретении гносиса, также откровения чего-то радикального важного, но уже после воскресения Христа, также вероятно заимствуется и момент откровения Иакова. Также предположительно используется синоптический материал, но «тройка» здесь уже из книги Деяний. При этом синоптический Иаков Зеведеев почему-то исчезает вдруг из «тройки» напрочь и заменяется совсем иным Иаковом, который исходя из самой книги Деяний - апостол для тысяч почитателей закона. Для составителя этого предания вероятно было **важно собрать известные ему источники, а также всё упорядочить**: апостолов – в круги, а сами разбегающиеся известные списки и персоналии в одну единственную истинную «кошёлку» под сенью откровения «тройки», с правильным направлением передачи «гносиса» в рамках правильной структуры.

В нашем же исследовании с открывающейся перспективой взгляда - всё это примеры чудо-метаморфоз гибрида компиляции самых различных источников и традиций, вероятно, потому что так было нужно и для кого-

то важно, но это всё уже гораздо позже ситуации момента написания Послания.

Примечательно, что в предании у Климента в самой среде семидесяти указан и Варнава, который как известно упомянут в самой книге Деяний (Деян.4:36), отмечен в истории жертвований «нищим», что продал землю и «принес деньги и положил к ногам Апостолов», влился в ряды «нищих» и получил от апостолов новое имя «сына утешения». Дар имени вряд ли давался всем и просто так, и не все, как известно, прошли ответственный этап продажи имущества живыми ;). В Деяниях же Варнава – своеобразный «мостик», соединивший Павла и двенадцать в Иерусалиме - Деян.9:27, возможно так и представлялось включение самого Павла в доверительный список через «сына утешения». Однако при анализе реконструкции Гал.2:9 он, Варнава, представляется искусственно включённым в текст Послания.

9 и, узнав о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые [δοκοῦντες – считать, представлять, мнить] столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам [идти] к язычникам, а им к обрезанным,

Реконструкция:

9 и, узнав о благодати, данной мне, Пётр, Иаков и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне руку общения, чтобы нам [идти] к язычникам, а им к обрезанным, ...

Можно предположить, что имя Варнавы было включено в текст для придания Павлу известного «спутника» и необходимого «мостика». Однако в самом послании он в результате оказался в разряде самих знакомящихся, кому «тройка» сама протянула руку дружбы! Можно представить какое удивление вызывал у редактора тот момент, что никаких иных апостолов изначальный вариант Послания не предполагал вообще, а в Иерусалиме Павел был на момент написания письма - вообще один раз.

Говоря о подобных моделях чётко обозначенных и доверительных кругов необходимо вспомнить и самого Павла, 15 глава Послания Коринфянам.

5 и что явился Кифе, потом двенадцати;

6 потом явился более нежели пятистам братьев в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили;
7 потом явился Иакову, также всем Апостолам;
8 а после всех явился и мне, как некоему извергу.
(1Кор.15:5-8)

Предпринятая реконструкция предполагает отсутствие этого фрагмента, т.е. когда перед нами пример нового пласта создания истории. Здесь, по сути, снова передача, только теперь - **личное явление Воскресшего и списки доверительных кругов**. Вместо «тройки» первым упомянут Кифа, далее упомянуто строгое число двенадцать, далее – полтысячи братьев, потом Иаков, надо полагать, что брат Господень, потом все другие апостолы и в конце список замыкает сам изверг Павел. **Список отличается** как от того, что предполагался поздним редактором в Гал.1:19, так и от принятого ныне, ведь исходя из логики канона, явление должно было быть всё-таки для одиннадцати. Также это описание исключило из встречи с Воскресшим туже Марию Магдалину. Но вопросы внутренних повествовательных несоответствий - история отдельная [8]. Здесь же для темы исследования важно отметить, что перед нами пример разработки подобных доверительных кругов и моделей, когда **в нашем сознании благодаря именно этому фрагменту также акцентируется аксиомой знание и почитание Павлом авторитетного круга приближённых**.

Можно ли понять, кого именно Павел имел в виду в лицах указанной им тройки имён? Павел не даёт дополнительной информации, так как круг вероятно для его времени был известным, мы же ныне пытаемся провести идентификацию через зафиксированные уже позже документы и предания. Может представиться два варианта:

Пётр с братьями Зеведеевыми – Ианом и Иаковом,
или же

Пётр с Иаковом, братом Иисуса, и Иоанном Зеведеевым.

Сопоставление синоптических Евангелий и Деяний порождает интересную картину, когда после казни одного на его место непременно становится другой и с тем же самым именем, восстанавливая «тройку» по именам. Картина выглядит странной и даже искусственной. С другой

стороны - в самом же послании Галатам, в фрагменте, который при исследовании реконструкции выявлен поздним - Гал.1:18-20, автор создаёт первое раннее путешествие Павла в Иерусалим. И там чётко указывает на две персоны: Пётра и Иакова, брата Господня. Интересно, что именно эти самые персоны как было указано ранее, выделяются на фоне всех остальных и автором Деяний, именно эти двое там и говорят, и действуют. В свою очередь и автор Гал.1:18-20 фактически показывает, что из круга всех им именуемых как апостолы в Иерусалиме находились лишь эти самые двое. Кто бы ни был этот автор, он обладает именно такой информацией. Поэтому с такой аргументацией двух независимых источников **можно предположить, что в Иерусалиме и находились реально эти две персоны.** Однако в таком случае отметим, что Иоанн Зеведеев здесь оказывается не в своём братском кругу. Будет и вообще уместным поднять вопрос, что за Иоанн в таком случае это мог быть.

4. Проблемы апостола Иоанна как лица апостольской преемственности. Гибель Иоанна и Иакова Зеведеевых – историческая версия.

Как евангельский срез, так и срез исторических преданий совершенно не однозначны в вопросе идентификации Иоанна. Так существует упоминание немногочисленных свидетельств Папия Гиерапольского (?-ок. 165), епископа Гиераполя (Фригия), автора, не дошедшего до нас труда «Изложение изречений Господних» в пяти книгах [9].

«Папий во второй книге говорит, что Иоанн Богослов и Иаков, брат его, иудеями были убиты». (Codex Baroccianus 142 Epitome Philippi Sideris Historia ecclesiastica (V cen.))

«Ибо епископ Гиераполя Папий, очевидец этого, во второй книге «Изречений Господних» утверждает, что он иудеями был убит, очевидно исполнив вместе с братом предсказание Христово относительно них и их собственное согласие относительно этого и одобрение». (Codex Coislinianus 305 Интерполяция в «Грешнике» Григория Chronicon (IX cen.))

С другой стороны, и синоптические евангелия предполагают общую судьбу братьев как мучеников. В беседе с учениками, когда Христос

открывает события его грядущей казни, указывает и на идентичную общность судьбы и самих братьев Зеведеевых.

39 Они отвечали: можем. Иисус же сказал им: чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься; (Мар.10:39)

Можно смотреть на ситуацию и с пророческой точки зрения самого евангельского изложения, а можно – с фиксации уже известных свершившихся событий для самих евангелистов. В обоих случаях **оба брата мыслятся казнёнными как мученики**, разделившими по сути крестный путь самого Христа. Аналогично мыслит и сам Папий. Примечательно, что тот указывает фактически и на двух «учеников Господа» с одинаковым именем - Иоанна, брата Иакова и отдельно - будущего пресвитера [9] (*№4 - Eusebius. Historia ecclesiastica.III.39:1-7*).

Сам Папий, согласно [9], слушал слова лично Иоанна, но только - пресвитера (*№7 - Eusebius. Historia ecclesiastica.III.39:1-7*) и **никаких апостолов из двенадцати не видел**. Тогда как сама история о наставлении и даже надиктовки Евангелия Иоанном именно Зеведеевым по причине разрастания страшных ересей и даже лично самому Папию – принадлежит уже рассказам Иринея и Евсевия [9] (*Catena Graecorum Patrum in Joannem (ed. B. Corder, Antwerp, 1630)*).

Здесь также будет интересно сопоставить момент гибели братьев Зеведеевых – Иакова и Иоанна, с распространённым уже в наше время преданием о собственной кончине апостола Иоанна в глубокой старости, без всякой казни.

Свидетельства Папия сохранились в упоминаниях ересиологов, церковных историков. Высказывания епископа привлекали особое внимание и являлись источником преданий для построения истории. Епископ Папий оставил много странной и достаточно противоречивой информации, которую ересиологам историкам приходилось корректировать или даже опровергать, а тот возымел негативную оценку от Евсевия Кесарийского, как человека слабого ума. Для самих же ересиологов историков **имя Иоанна являлось важнейшим «мостиком»**, который бы мог утвердить важную для них апостольскую преемственность, а сам Иоанн представлял в таком случае благовестника язычникам Азии из представителей легендарных

двенадцати. Поиск теми историками Иоанна и пути преемственности был важнейшим моментом, вплоть до того, что сохранено и упоминание о двух Иоановых гробницах в самом Ефесе. Ведь был особенно важен человек из круга легендарных двенадцати - крепкий долгожитель. Столь преклонный возраст Иоанна смущения не вызывал. Ведь он должен был успеть наставить и важного для вереницы преемственности Поликарпа, епископа Смирнского. Предания утверждали даже, что евангелист Иоанн не только наставлял самого Папия, ставшего епископом, но даже избличал Маркиона [9] (*Codex vaticanus Пролог к Иоанну (IX в.)*)! И по всей видимости выявить и воспользоваться необходимыми достоверными ясными источниками, ведущими к легендарным двенадцати, ещё и во втором веке было невозможно.

В рассматриваемом свидетельстве галатийского послания важно отметить, что нет никакой само собой разумеющейся идентификации той «тройки». Для идентификации Иакова и Иоанна братьями Зеведеевыми с одной стороны существует ограничение временных рамок той встречи, так как убийство Иакова по известным датировкам относится к сороковым годам. Для встречи Павла с ним или даже с его братом требуется очень раннее обращение самого Павла, достаточно ранняя дата написания послания, да и смещение даты казни Христа. С другой стороны, зная о казни Зеведеева, или обоих братьев, представляется маловероятным, что Павел бы в таком негативном ключе вспоминал их, а вот персона Иакова брата Иисуса – вполне возможна. Моменты истории Иакова, брата Господня, претендуют на важное место в среде Иерусалимских событий, имеют свои интересные особенности и аргументы в пользу драматического изменения его веры, стоящее ему жизни, что может рассматриваться отдельно.

Отметим и существование и интересного упоминания ещё одного Иерусалимского Иоанна в самой книге Деяний.

25 А Варнава и Савл, по исполнении поручения, возвратились из Иерусалима в Антиохию, взяв с собою и Иоанна, прозванного Марком. (Деян.12:25)

Хотя согласно Деяниям Иоанн – это всё-таки спутник Павла и Варнавы, которого Павел впоследствии отвергнул Деян.15:37-39, и после чего

Иоанн-Марк стал спутником только Варнавы. Отметим что имя Иоанна зафиксировано фактически с альтернативой к Посланию, сама эта персона относится к среде Иерусалимского апостольства, а впоследствии, в преданиях отнесена была к апостолам из семидесяти, ведь все, кто не попадал в «двенадцать» переносились в «семьдесят».

Следует также упомянуть о существовании предания, в котором в списке самих двенадцати разделялись разными персонами Пётр и Кифа (Epistula Apostolorum). [6]

Таким образом, что касается «тройки», есть самые различные вариации, зависящие от того, через какую более позднюю поясняющую призму на персоны Иерусалимского апостольства вообще смотреть. Сама тройка в плане персон способна иметь отдалённое отношение к списку двенадцати располагаемому нами, тогда как сам этот список формировался впоследствии с обязательным учётом этих трёх имён, а сами эти имена и их общность отразились также и в более поздних документах.

5. Картина и анализ свидетельств евангельского миссионерства

Исходя из рассматриваемой галатийской перспективы хочется понять и момент осуществления миссии благовестия последователями за Спасителем, кроме самого Павла, сопоставляя это с базовым свидетельством его Послания. Павел в таком случае живёт и находится в среде многих, кто утверждает своё участие в слушаниях проповедей и даже следовании на земном пути самого Спасителя. И это естественно предположить из жизненных реалий и может свободно открываться через имеющийся новозаветный материал. Массы слушателей и в том числе и из-за всех пределов Галилеи, в том числе и из Сирии (Матф.4:24), оформленное предание о семидесяти, которые представлены активными непосредственными участниками служения Иисуса, избранными посланниками, и которые вдруг почему-то бесследно исчезают из повествования. Все эти массы были, рассказывали, пересказывали, вспоминали, учили, говорили и о своей важности и авторитете в том числе. И Павел в этом всё и находился, и должен был

это слышать и знать, однако не всякому «авторитету» он просто так и верил. Но не упоминал эту естественную картину, так как она была и так известной, и писал он ведь он не для отчёта нам. Но писал о боли, вызванной Иерусалимскими веяниями воздвигнутых в наивысший ранг авторитетов. Это веяние брало под контроль всё происходившее, посему главную тему он и посвятил ему, совершенно не вдаваясь в вещи для этого второстепенные. При этом можно предположить, что миссии распространения учения уже происходили за пределами территорий некогда Израильского царства, как и фиксирует это книга Деяний, но - в среде иудейского «рассеяния», с трудом преодолевая древний национальный барьер отношений с язычниками, возможно действуя в рамках и так уже существовавшего прозелитизма. Сам же Иерусалимский центр стремился контролировать любой шаг и этот барьер всячески удерживал, к тому же в реальности развивал по сути новую религию синкретизма Учения с законом и обрезанием, драгоценными «обычаями отцов». Именно поэтому Павел в послании Галатам и провозгласил себя посланником язычников через полученное откровение, радикально провозглашая разрушения подобной границы и сразу же намеренно поставив себя в оппозицию к главе – Иерусалимскому центру с его культом и болезнями, с его новой религией, веяниями и контролем, написав далее радикальнейшее послание, будоражащее библеистов и через два тысячелетия. Не только обозначил себя посланником, но изменил жизнь, созидавая уже новые общины и конечно же не красивыми словами, а тяжёлым путём личного примера, пусть и с тем самым естественным человеческим несовершенством, багажом знаний и мировосприятия, но и сверхъестественным духовным влиянием на судьбы, поколения и всё дальнейшую историю.

И Павел сразу посланник язычников именно в Послании, если опять же не смотреть на него через призму истории Деяний. Ведь там он друг Иерусалима, апостол иудейских синагог, который только ближе к концу понимает, что будет идти и к язычникам (Деян.18:6). Книга Деяний демонстрирует совершенно иную модель благовестия у Павла, модель распространения нового вида иудаизма среди синагог рассеяния, которая с трудом впоследствии выходит за их границы, но и то в рамках банального прозелитизма.

И если так, то должны быть и пересечения маршрутов Павла с маршрутами иных посланников. И такие свидетельства хоть и в малом количестве всё-таки есть. В том же послании Галатам Павел хоть и не при радужных обстоятельствах, но встречается с Петром в Антиохии Гал.2:11. Также упоминаются и симпатизирующие Кифе в 1Кор.1:12, вероятно по причине привязанности к персоне Петра, проповедующего на территории древней Греции, пересекаясь маршрутами таким образом с самим Павлом. Да и общину в Риме основал не Павел, а кто-то успел пойти далее. Вместе с тем мимо внимания путешествий Павла относятся огромные территории как восточнее мест маршрутов, так южней и Галилеи и Иудеи. Ну в египетском направлении также возникает движение, исторически раннее и со своими александрийскими представителями, о которых Павел банально мог ничего практически не знать или же попросту в известном ныне нам перечне посланий - не указал. Вместе с тем известно и о существовании древней литературы, связанной с этим направлением, и утерянной в том числе, с её драгоценными историческими моментами.

Приведём для анализа и следующее свидетельство о миссии. К древнему ортодоксальному упоминанию можно отнести выдержку из несохранившийся труда Оригена (185 - 254), сохранённой в Церковную историю Евсевием Кессарийским [10].

«Таковы были события в Иудее. Святые же апостолы и ученики Спасителя рассеялись по всей земле. Фоме, как повествует предание, выпала по жребию Парфия, Андрею – Скифия, Иоанну – Асия, там он жил, там в Эфесе и скончался; Петр, по-видимому, благовествовал иудеям, рассеянным по Понту, Галатии, Вифинии, Каппадокии и Асии. Под конец жизни он оказался в Риме, где и был распят головой вниз: он сам счел себя достойным такой казни...»

Данные относительно возможного позднего начала проповеди вероятно самим Евсевием согласованы с Деяниями, что он предпринимает естественно, как церковный историк, когда начало миссии датируется смертью уже Иакова Праведного, т.е. незадолго до самой Иудейской войны. Вместе с тем как немногочисленное свидетельство Павла могло

бы поставить этим данным и вопросы, можно и отметить, что перед нами всё-таки указаны маршруты проповедей, что пересекаются с Павловыми лишь в лице Петра и Иоанна, а связка этих имён обнаруживается в Деяниях, эти же два имени фигурируют в «тройке». Остальные два ученика – Фома и Андрей, вне поля общих маршрутов. Также интересно, что предание не стремится утвердить некий поимённый полный список в связи с их миссиями и не стремится выделить двенадцать. Здесь лишь четыре персоны, две из которых фигурируют в базовом Послании Павла и так связаны именно с иудеями рассеяния. Когда в своём упоминании Павел указал аналогично и сферу их проповеди: *«чтобы нам [идти] к язычникам, а им к обрезанным»* Гал.2:9. Так или иначе, а рассматриваемое в предлагаемом аспекте первое свидетельство Павла середины первого столетия коррелирует с такими данными.

6. Уникальность языческой миссии ап. Павла – реальность или миф

Анализируя реконструкции известных посланий первого издания можно всё-таки говорить и последующей тенденции закрепить над именем Павла славу особого и исключительного проповедника язычников, возрастив и укрепив таким образом легенду специального тринадцатого апостола для народов мира. И Павел хоть и провозгласил в послании о своей миссии лично сам, и указывал на это и далее, но имел для этого определённую цель. Анализ же реконструкции приводит к выводу, что основное множество мест такого провозглашения своеобразным эхом отдалось уже в последующих слоях создания письменной традиции, искажив и того небогатую историческую картину. Именно выявляемая редакция и также пост-Павлова письменная пастырская традиция и создаёт фактически иллюзию уникального, особого и единственного апостола язычников.

Для этого продемонстрируем вывод примерами, выделив ***отсутствующие отдельные слова в реконструкции полужирным курсивом.***

13 Вам говорю, язычникам. Как Апостол язычников, я прославляю служение мое. (Рим.11:13)

15 но писал вам, братия, с некоторою смелостью, отчасти как бы в напоминание вам, по данной мне от Бога благодати быть служителем Иисуса Христа у язычников и [совершать] священнодействие благовествования Божия, дабы сие приношение язычников, будучи освящено Духом Святым, было благоприятно [Богу]. (Рим.15:15,16)

19. «... благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестности до Иллирика» Рим.15:19

Следующие примеры иллюстрируют также идею проповеди, как покорения народов вере.

18. ибо не осмелюсь сказать что-нибудь такое, чего не совершил Христос через меня, в покорении язычников [вере], словом и делом, Рим.15:18

*24 Могущему же утвердить вас, по благовествованию моему и проповеди Иисуса Христа, по откровению тайны, о которой от вечных времен было умолчанию, но которая ныне явлена, **и через писания пророческие**, по повелению вечного Бога, **возвещена всем народам для покорения их вере**, Рим.14:24-25*

Следующий пасторский слой, который провозглашает уникальность и практически единственность апостольства.

7 для которого я поставлен проповедником и Апостолом, - истину говорю во Христе, не лгу, - учителем язычников в вере и истине. (1Тим.2:7)

11 для которого я поставлен проповедником и Апостолом и учителем язычников. (2Тим.1:11)

17 Господь же предстал мне и укрепил меня, дабы через меня утвердилось благовестие и услышали все язычники; и я избавился из львиных челюстей. (2Тим.4:17)

И достаточно яркий пример, демонстрирующий мысль отсутствия призвания к проповеди язычникам надо полагать у всех других апостолов, да к тому же в радикальном месте самой реконструкции. Логически предполагается, что все святые кроме Павла такую благодать не имеют.

*8 Мне, наименьшему из всех **святых**, дана благодать сия - благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово (Еф.3:8)*

А без всего этого картина апостольства выглядит куда скромнее, если не сказать, что уникальность и единственность исчезает вообще и что вполне предполагает существование иных миссий, хоть даже и не указывая на них. На вопрос, а почему же эта идейная ветвь выдвижения Павла на передовую позицию возникла, пока можно ответить – в тех обстоятельствах кому-то именно так было надо. «Ведь, если звезды зажигают - значит - это кому-нибудь нужно?» (с)

7. Заключение

Таким образом, описанные Павлом события истории его миссии могут быть рассмотрены в ином ракурсе. Реконструкция выявляет на первый взгляд незначительные штрихи, однако способные под кардинально иным углом рассмотреть и понять всю ту историю. И если это послание и сама его первая глава - самые ранние или даже самые первые письменные строки всего корпуса Нового Завета, а возможно и всей ныне доступной раннехристианской литературы – то этот ракурс изучения развития событий и должен быть основополагающим. Также он и даёт ключ к ответам на множество вопросов и в том числе тех, что возникают именно через историю самой канонической версии. Реконструкция вовсе не нужна чтобы увидеть изначальную прохладу отношений, последующую напряженность встречи с резкими эпитетами, обличительными высказываниями, сарказмом явлений почитания культа и обогащения. И пусть история и заканчивается рукой дружбы, но вопросов библеистики это не решает. Ибо взгляд аксиомы Иерусалимской идиллии с её легендарными двенадцатью апостолами вызывает вопрос и недоумение относительно причин критики Павла. Однако она находит пояснение в предложенном ракурсе и прекрасно сочетается с остротой главной темы послания, в котором кое-что даже и не переводится, дабы не вызвать шок у читателей. Далее, исходя именно из канонической и идеализированной картины и рождается ситуация со странным выскочкой тринадцатым апостолом, который по неизвестным причинам, наконец и придя к вере во Христа двенадцати апостолов, сразу же провозглашает апостолом себя, но ещё и особым, а тех, кто был до него - уже даже более и терпеть не может. Предложенный взгляд реконструкции выявляет и раскрывает в

принципе и так существующее решение понимания апостольства как посланничества, что объясняет этот критицизм, но при отсутствии самого авторитетного списка учеников в то время. В этом ракурсе послание фиксирует явление становления культового почитания трёх с предостережением относительно составления какого-либо доверительного списка подобного почитания. Ведь зачем фиксировать каких-то изначальных истинных апостолов, если традиция апостольства продолжалась и далее. Само явление возникшего доверительного списка особого почитания троих в Иерусалиме представляется тем, что сыграло свою роль уже при создании евангельской письменной традиции, исторической книги Деяний, ну и отразилось во всевозможных преданиях и документах, однако уже с самыми различными вариациями, примерами которой и служит та же смена персон под известными именами. При этом сам Павел не свидетельствует о самых главных и важных двенадцати учениках. Редактура же породила фактически ретроспективу взгляда, своеобразный регрессивный путь построения хронологии, изменив порядок причины и следствия, а в дальнейшем - создав миф единственного апостола язычников.

Следует констатировать **проблематичность картины самой раннехристианской истории в научном смысле**, опирающейся на различные альтернативные и независимые свидетельства. Есть лишь крупницы фактов, зафиксированные отдельные моменты событий, которые обличены в исключительно идейную форму. Всё это идейное полотно во многом рождалось в борьбе за утверждение правильных вероучений, истинных утверждений, верных пониманий, доверительных кругов, в противовес предполагаемому неверному, заблудшему, неправильному и ложному.

В запечатлённом моменте галатийской перспективы **апостол не мыслит увековеченного легендарного «гранитного монумента» учеников**, отлитой в правильной недвижимой форме хранителей истины, печати подлинности учений, так как помазание - есть брошенный в мир огонь, ветер и движение, не живущие в монументах и столпах, но свободно движущееся согласно природе и предназначения, находя своих посланников. И в послании апостол не называет имён своих

единомышленников и помазанников не потому, что их нет, а потому, что специально были названы лишь имена тех, через кого это движение - не осуществлялось.

В дальнейшем, через призму предложенного момента галатийской перспективы, представляет интерес и рассмотрение самых различных моментов раннехристианской истории.

Небольшое продолжение темы - [По следам одного парадокса](#)

Влад Вальберг
Ноябрь 2020

Литература и примечания

- [1] Андрей Васильев. Послание к Галатам святого апостола Павла. Реконструкция. <https://skifos.wordpress.com/2019/04/24/galatians/>
- [2] Влад Вальберг. «Парадокс великого поручения». http://spinavig.s62.in.ua/paradox_of_the_great_mission.pdf
- [3] Подстрочный перевод Винокурова. <http://www.bible.in.ua/underl/S/6F64.htm#doko%u0436ntvn>
<http://www.bible.in.ua/underl/S/D/646F.htm#dok%u040Ev>
- [4] Греческо-русский словарь Нового Завета Баркли М.Ньюмана. – **δοκῶν**. http://spinavig.s62.in.ua/moment_galatian_prospect_barkley.jpg
- [5] <https://ru.wikipedia.org/wiki/Эбиониты>
<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AD%D0%B1%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D1%82%D1%8B>
- [6] Питер Кирби . Семь апостолов. Исследовательское эссе об учениках Иисуса внутри и вне канона.
http://spinavig.s62.in.ua/moment_galatian_prospect_seven.pdf
- Есть конечно же и неупомянутые в данном эссе источники, в которых двенадцать не прослеживаются, т.е. число не является всем известной аксиомой и предлагаются при этом другие варианты.
- [7] «Ипотипосы» (Очерки) Климента александрийского. VII-ая книга 13. Евсевий, Н.Е.II,I.
https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/ipotiposy/
- [8] Влад Вальберг. К ИСТОРИИ ОДНОЙ АПОЛОГИИ в 1 КОР. 15.
http://spinavig.s62.in.ua/five_hundred_witnesses.pdf
- [9] Библиотека Руслана Хазарзара. Папий Гиерапольский. Избранное.
<http://khazarzar.skeptik.net/books/kh/papias.htm>
- [10] Евсевий Кесарийский (Памфил). Церковная история. Книга третья, глава 1.